

УДК 93

DOI 10.25629/НС.2022.04.23

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ДО 1917 ГОДА

Изотова С.В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена появлению и идейному развитию в программах российских политических партий начала XX века такого концепта как «учредительное собрание». В исследовании последовательно представлено использование различными политическими силами отношение к институту учредительной власти, получившее отражение в программных документах.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Конституция, народное представительство, Великая российская революция, политические партии.

Введение

За всю историю существования государства были выработаны различные способы принятия Конституций. Так, Конституция может быть принята субъектами, властные полномочия которых разрешают придавать ей высшую юридическую силу. Одним из наиболее популярных подобных субъектов является специально созданный для этого орган учредительной власти (Учредительное собрание, Конституционное собрание, Конвент). Учредительное собрание можно определить как орган государственной власти, избранный с целью разработки и принятия новой Конституции или для внесения существенных изменений в действующую Конституцию.

В российской исторической литературе идея Учредительного собрания имела глубокие национальные и исторические корни и проистекала, несомненно, из векового опыта всеобщих Земских соборов, с XVI века решавших на Руси важнейшие вопросы государственной жизни. Впервые же идея верховенства народа была озвучена в программных документах декабризма [1, с. 105]. В последующем разработка идеи учредительной власти народа получила дальнейший импульс во второй половине XIX века, когда идея Учредительного собрания становилась все более притягательной для новых поколений российского общества. Так, в 1862 году из кружка революционера-народника П.Г. Заичневского выходит прокламация «Молодая Россия», ставшая первым революционным манифестом, выдвинувшим задачу передачи власти в руки Национального собрания, «составленного из выборных всей земли русской» [2]. Впервые же провозглашение созыва Учредительного собрания как определенного политического требования было сделано одним из будущих отцов-основателей конституционно-демократической партии И.И. Петрункевичем в своей брошюре «Ближайшие задачи земства» [3, с. 111].

Вся политическая жизнь России начала XX века так или иначе проходила под знаком распространения идеи народного представительства в ее различных формах, среди которых ведущим было Учредительное собрание. Тем не менее, важно отметить, что хотя сам термин «Учредительное собрание» был хорошо известен в революционных кругах России, до событий Первой русской революции 1905–1907 годов идея Всероссийского народного представительства составляла лишь теоретическую проблему. Возвышение же лозунга Учредительного собрания в качестве символа борьбы и освобождения происходит в ходе событий Великой российской революции 1917 года, когда подготовка созыва Всероссийского органа народного представительства становится основной задачей Временного правительства.

Учредительное собрание в программах политических партий

Формирование политического плюрализма в начале XX века повлияло на усиливающиеся межпартийные дискуссии по различным вопросам государственного переустройства. Одним из таких вопросов был вопрос о необходимости созыва органа учредительной власти для решения важнейших проблем, стоявших перед Россией. Первыми, кто дополнил свою программу требованиями созыва Учредительного собрания, были социал-демократы. Это произошло в ходе II съезда, проходившего в 1903 году: «РСДРП твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом» (программа-минимум) [6, с. 424]. Являясь концепцией, свойственной западной политической культуре, идея учредительной власти достаточно логично вписывалась в программу социал-демократической партии. Так, с точки зрения В.И. Ленина, Учредительное собрание являлось «высшей формой демократизма» в рамках буржуазной республики [4, с. 162].

В ходе революционных событий 1905–07 годов в России, сопровождавшихся лозунгами ликвидации самодержавной власти, область теоретических концепций перешла в реальный мир политической действительности. РСДРП стали вести интенсивную пропаганду требования избрания органов учредительной власти, связав его с необходимостью созыва Временного революционного правительства [27, с. 8]. Тем не менее, социал-демократы и на данном историческом этапе не возвышали роль Учредительного собрания, оставляя для него лишь функцию придания легитимности достижениям борьбы революционных масс. Вскоре после поражения революции большевики и вовсе сместили акцент с лозунга необходимости создания выборного органа народовластия на более действенные требования – «демократической республики, 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьей земли». Тем не менее, окончательного отказа от Учредительного собрания не случилось и после раскола социал-демократической партии. Впоследствии критика «парламентской» по своей сути учредительной власти появляется у В.И. Ленина в работе «Марксизм о государстве», в которой он призывает пролетариат полностью сломать старые буржуазные институты власти, заменив их на рабочие. Согласно его точке зрения, будет необходима «замена парламентского народного представительства «коммунальным», т.е. законодательным и исполнительным в одно время» [5, с. 227]. Таким образом, Учредительное собрание являлось для большевиков скорее временным переходным этапом на пути к становлению пролетарской государственности и не воспринималось в полной мере истинно демократическим по причине функционирования пусть и в период слома, но по правилам «старой государственной машины» [5, с. 231].

Раскол РСДРП по вопросам стратегии и тактики революции на большевиков и меньшевиков проявились также и в разногласиях во взглядах на Учредительное собрание и его задачи. Так, если большевики рассматривали Учредительное собрание, прежде всего, как промежуточную станцию на пути к будущей диктатуре пролетариата, умеренная социал-демократия возлагала на органы учредительной власти функцию принятия Конституции России и достаточно последовательно пропагандировала концепцию народного представительства, считая недостаточным требование ликвидации самодержавия [7, с. 5]. Сторонники более умеренного пути развития, они предполагали, что революционное движение должно постепенно перейти в фазу длительного переходного этапа «созревания» для социализма.

Революционные завоевания 1905 года и создание Государственной Думы меньшевики оценивали как недостаточные по причине того, что избирательный закон не предполагает участие всего народа, особенно ограничивая права пролетариата установлением высокого имущественного ценза [8, с. 136]. Единственным же выходом для должного осуществления интересов рабочего класса они считали созыв Учредительного собрания на принципах «всеобщего, равного, прямого и тайного голосования», которое ликвидирует самодержавие и провозгласит создание демократической республики. В дальнейшем на протяжении всего периода первой русской революции они достаточно последовательно призывали к агитационной работе среди крестьянства и пролетариата для объединения совместных усилий и ведения борьбы против «непригодной» Государственной Думы за созыв всенародного органа власти [9, с. 245].

Тем не менее в ходе дискуссии по вопросам участия или неучастия социалистических партий на думских выборах члены партии меньшевиков высказывались за бессмысленность бойкота, так как несмотря на результаты выборов в их процессе будет происходить «политическое развитие и участие пролетариата» [8, с. 183]. Большевики же, напротив, категорично отрицали любое сотрудничество в рамках «буржуазного» избирательного закона, подчеркивая, что это есть «затемнение классового самосознания рабочего класса», который не должен успокаиваться созданием Думы, а вести решительную борьбу за созыв Учредительного собрания [10, с. 323]. Данная позиция не разделялась умеренными социал-демократами, по мнению которых ограниченное на данном историческом этапе избирательное право в процессе революционной борьбы и организации пролетариата может привести к Учредительному собранию. Более того, у них существовало вполне конкретное понимание как конечной цели, так и самого пути по вопросу организации созыва органа учредительной власти: прописаны нюансы агитационной работы, сам процесс проведения выборов начиная от технической организации административно-территориального устройства, заканчивая разработкой избирательного закона [7, с. 6, 13, 16]. Однако, так же, как и большевики, вскоре после Третьеиюньского переворота 1907 года меньшевики практически полностью прекратили пропаганду лозунга Учредительного собрания.

Дальнейшая активизация агитационной деятельности наступила после начала Первой мировой войны и особенно в обострения парламентской борьбы в 1915 году. Так, частные призывы с лозунгом необходимости созыва Учредительного собрания «для ликвидации войны и современного третьеиюньского строя» звучали как из писем заграничного отделения партии к «товарищам в России» [8, с. 388], так и в постановлениях столичного отделения партии [11, с. 125]. Данная риторика сохранялась вплоть до революционных процессов 1917 года, в ходе которых она получила развитие на совершенно ином практическом уровне.

Одной из самых последовательно пропагандировавших задачу необходимости созыва Учредительного собрания партий, были социалисты-революционеры. Уже в подготовительных проектах программы и агитационных листовках партии эсеров мы встречаем требование ликвидации самодержавной власти с помощью созыва свободно избранного всем народом органа учредительной власти [12, с. 118–119, 125, 152]. Согласно их взглядам, процесс революционной борьбы должен быть неразрывно связан с агитационной работой по вопросу созыва Учредительного собрания (или в их терминологии – Земского собора), который должен быть избран на базе всеобщего избирательного права [28, с. 18]. Необходимо отметить, что неонародники активно использовали термин «Земский собор» наравне с «Учредительным собранием», подразумевая под этим равнозначность данных понятий. Объяснить подобную непоследовательность можно тактическими мотивами представителей партии эсеров: в истории России понятие Земский собор было неразрывно связано с неспособностью верховной власти решить судьбу государства. Так рождается идея связи всенародного государственного переустройства с историческим прошлым России. Эсеры же, являясь неонароднической организацией, не могли отстраниться от исторического наследия.

Провозглашая основной своей задачей борьбу против царизма, требование созыва Учредительного собрания ставилось как условие прекращения террористических акций: до созыва органа народовластия «на принципах всеобщего, прямого, равного, и тайного голосования» партия социалистов-революционеров, не прекращая «ведет террористическую борьбу» [13, с. 481]. В ходе первой русской революции несколько меняется тон высказываний. Так, происходит окончательный отказ эсеров от термина «Земский собор» в пользу «Учредительного собрания». Причинами этого могут быть, как стремление использовать исторический опыт Франции в революционной борьбе в России, так и стремлением отстраниться от либерального движения. Так, по мнению эсеров обязательным условием созыва представительного органа является радикальная трансформация избирательного закона в интересах трудового народа, чего не могут сделать буржуазные партии, выражающие интересы и состоящие в основном «из богатых людей». Необходимо отметить, что данное требование в программе эсеров имело принципиальное значение в деле организации созыва всенародно избранного органа власти в России.

Говоря о позиции партии социалистов-революционеров по отношению к Государственной Думе, то изначально они избрали решительную тактику бойкота, рассчитывая на то, что народ, положительно оценивая их практическую работу как в предреволюционный период, так и во время событий 1905 года, откажется признать Думу полноценной альтернативой Учредительному собранию. Однако позднее, во время работы I и II Государственных Дум, обратив внимание на то, что настроения народа начинают меняться, эсеры начали поиск альтернативных методов созыва Учредительного собрания. В мае 1906 года I Совет ПСР провозгласил: «Партия должна через посредничество парламентской Трудовой Группы воздействовать на Думу, чтобы привести её к требованию: созыва Учредительного собрания» [13, с. 194].

В дальнейшем, несмотря на то что требование Учредительного собрания было закреплено эсерами не только в программной литературе, но и получило свое распространение среди народа, добиться полного единства внутри самой партии не удалось. Так, например, на левом фланге неонародников находился образованный в октябре 1906 года Союз социалистов-революционеров максималистов (ССРМ), убежденных в возможность быстрого перехода России к социализму. Критикуя парламентаризм и требуя сразу после Учредительного собрания введения Трудовой Республики и полной социализации общества, эсеры-максималисты напроочь категорически использование парламентских учреждений «в пределах буржуазного строя» [14, с. 34]. Этим объясняется и их некоторое недоверие к Учредительному собранию, указывая на его главный недостаток – неспособность решить истинно народные задачи, заглушая «революционную энергию и социалистический энтузиазм» вводя «движение трудового класса в рамки легальной, законной борьбы» [14, с. 38]. Так, члены СССРМ считали, что, проникнувшая «обманным путём» в Учредительное собрание буржуазия, неминуемо исказит истинное народовластие [14, с. 89].

На правом фланге неонародников оказалась отколовшаяся в 1906 году Трудовая народно-социалистическая партия. Заявляя о себе как о партии «полного народовластия, постепенной подготовки социалистического строя», стоящей на позициях перехода к социализму только в государственно-правовой форме с помощью «последовательного ограничения власти капитала», энесы веряли народному представительству решение многих важнейших вопросов, не предвещая ничего заранее. Полагая, что «важно лишь воплощение народовластия, что всецело может быть дано Учредительным собранием», энесы даже вопрос о форме правления не считали принципиально важным для социализма [15, с. 69]. Таким образом, исходя из основного своего положения, что судьба народа должны быть устраиваема самим народом, народные социалисты всецело полагались на волю народного представительства в вопросах осуществления всей полноты власти для устройства политической и социальной жизни страны [16, с. 71]. Поэтому в отличие от социалистов-революционеров энесы не давали однозначного ответа на вопрос будет ли Учредительное собрание институтом, призванным ликвидировать самодержавие [16, с. 96]. На время выборов во II Государственную Думу пришелся пик политической активности НСП. Не питая иллюзий относительно возможностей парламента справедливо разрешить социальные вопросы, энесы тем не менее считали, что Дума может сыграть значительную роль в борьбе с правительством за созыв Учредительного собрания. Для этого они полагали необходима широкая коалиция всех оппозиционных сил (не правее кадетов) с целью организации масс. Однако уже спустя месяц работы думская тактика энесов показала свою несостоятельность в связи с непримиримыми разногласиями с конституционными демократами по аграрному вопросу. Категорическое неприятие энесов встретил и правительственная аграрная реформа, начавшаяся в ноябре 1906 года, что вынудило их представить свой земельный проект, заключавшийся в образовании местных земельных комитетов, которые и должны начать подготовку реформы. Таким образом, они полагали, что ещё до созыва Учредительного собрания население будет вовлечено в обсуждение аграрного вопроса. Однако роспуск II Думы окончательно утвердил мнение народных социалистов в невозможности её стать проводником к созданию «полномочного народного представительства» [16, с. 121].

Требование созыва Учредительного собрания поддержали и другие неонароднические общественные организации. Так, в программных задачах Всероссийского крестьянского союза,

провозглашенных 31 июля – 1 августа 1905 года, было принято единодушное решение о требовании незамедлительного создания органа учредительной власти на базе всеобщего избирательного права [17, с. 105].

Не оставались в стороне относительно требования созыва Учредительного собрания и социалистические партии национальной направленности. Еврейско-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион», Революционная украинская партия, Латышская социал-демократическая рабочая партия, и другие подобные партии и движения, если не в буквальном виде провозглашали требование организации органа учредительной власти, то по общему смыслу [17, с. 34–36, 55, 63, 95].

Среди либералов свое отношение к Учредительному собранию впервые было высказано в 1902 году, в первом номере журнала «Освобождение», изданного в Штутгарте. Так, от известного в ту пору историка и будущего лидера партии кадетов П.Н. Милюкова прозвучало заявление «От русских конституционалистов», содержащее требование введения демократических свобод и бессловного народного представительства [18, с. 237]. Данная политическая платформа легла в основу позднее оформившихся Союза освобождения и Союза земцев-конституционалистов, обозначив, однако, требование лишь учреждения в России выборного законодательного органа. Попыткой заставить правительство мирным путем пойти на созыв всенародного представительства является «Банкетная кампания», проведенная по инициативе либеральной буржуазии в конце 1904 года. Именно с нее, по мнению некоторых исследователей, начинается открытое массовое требование созыва Учредительного собрания [28, с. 22].

Произошедшее оформление либеральных политических сил в партии после Манифеста 17 октября 1905 года определило и их последующий раскол по вопросу об Учредительном собрании. Так, неудовлетворенная царским Манифестом, леволиберальная партия кадетов заявила, что они не планируют «рассчитывать ни на какие соглашения и компромиссы» и поэтому главной целью ставят русское освободительное движение «созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» [19, с. 22]. В дальнейшем, в ходе II съезда партии в январе 1906 происходит уточнение основной задачи учредительной власти, по мнению кадетов, которая в первую очередь является всенародно избранным органом «для составления Основного закона», а не собрание, обличенное «всей полнотой власти» [19, с. 73]. Добившись влиятельных позиций и став партией легальной оппозиции в I Государственной Думе, в 1906 году на II съезде партия кадетов снимает лозунг «Учредительное собрание» заменяя его на «собрание представителей с учредительными функциями» [19, с. 121]. В дальнейшем, полагая, что партия должна стоять «за демократическую Думу с учредительными функциями» [20, с. 208], уже на III съезде в апреле 1917 года все чаще звучали выступления с заявлениями о том, что требование непременно созывать специальный орган учредительной власти является лишь «формальной точкой зрения», так как в настоящее время русский народ посредством Думы и так «в неисчислимых муках вырабатывает свою конституцию» [19, с. 22].

Таким образом, несмотря на скептическое отношение к Учредительному собранию, идея народного представительства не отвергалась кадетами полностью. Однако, по их мнению, противовесом гипотетическому и непредсказуемому по возможным результатам Учредительному собранию как форме всенародного представительства должна стать Государственная дума, с условием расширения её парламентских функций и реформаторской деятельности [10, с. 78].

Либералы правого толка – «Союз 17 октября» – уже изначально решительно отвергали идею созыва суверенного Учредительного собрания [10, с. 229], а после провозглашения Манифеста полностью поддержали деятельность правительства, считая, что учредительная власть способна привести «к пересмотру таких начал нашего политического и общественного быта, кои не могут быть поколеблены без тяжелого революционного потрясения всей страны». Согласно их взглядам, требование созыва Учредительного собрания неразрывно связано с лозунгом всеобщего избирательного права. А в случае претворения подобных требований в реальность, это неминуемо приведет к вовлечению необразованной части населения в процесс

выработки ключевых для России политических решений [21, с. 156]. Подобное же явление, по их мнению, может иметь непредсказуемый результат.

Правоконсервативные партии не только решительно отвергали саму возможность созыва Учредительного собрания, но и считали нужным фиксировать данное утверждение в своих заявлениях, заявляя, что его созыв «не должен быть допущен ни под каким предлогом» [22, с. 116]. Выступая против ограничения власти царя, монархисты решительно высказывались не только против учредительной власти народа, а даже против любых попыток выработать на основе Манифеста 17 октября 1905 года какую-либо конституцию. Более того, несколько раз в воззваниях звучали высказывания о том, что более «опасными врагами» для них являются не те партии, которые организуют забастовочное движение и агитируют к восстанию с оружием в руках, а те, кто выступает за созыв вместо Государственной Думы Учредительное собрание, то есть «новое правительство» [22, с. 168].

Говоря об анархистах, то они в принципе выступают против любых государственных институтов, требуя освободить человеческую личность от малейших форм гнета для свободного и независимого развития. Учредительное собрание они называли «тормозом революции», «сделкой между партиями будущего и партиями прошлого», не ожидая ничего положительного от его созыва. Согласно их мнению, подобный созыв всенародного органа власти нужен лишь «буржуазии и её представителю – интеллигенции» [23, с. 109, 231]. Освобождение же трудящихся, по их мнению, должно идти «снизу», через насильственный захват орудий труда и природных богатств в конечной цели для создания коммунального производства [23, с. 202].

В ходе революционного процесса 1905 года лозунг Учредительного собрания также был подхвачен многочисленными новообразованными союзами и организациями. Например, в ходе восстания на крейсере «Очаков», руководимого лейтенантом П.П. Шмидтом, одним из требований звучала необходимость провозглашения в России всенародной учредительной власти [24, с. 31–32]. Так с мятежного корабля Николаю II была отправлена телеграмма, в которой было обозначено четкое требование немедленного созыва Учредительного собрания с предупреждением, что в случае неисполнения данного условия флот перестанет подчиняться правительству. Таким образом, 1905 год сам по себе стал годом превращения популярной идеи в лозунг массового движения. Идея всевластия Учредительного собрания соединялась в сознании народа с мистическим ожиданием мгновенного разрешения всех общественных противоречий. Всеми прогрессивными политическими партиями и многими общественными организациями Учредительное собрание представлялось «альфой и омегой демократической революции» [28, с. 23].

Подводя итог, стоит отметить, что особенностью российского политического процесса начала XX века является его многообразие. Наиболее наглядно это проявилось и в вопросе о необходимости созыва Учредительного собрания, по вопросу о котором велись острые межпартийные дискуссии. Однако, с отходом либералов от лозунга Учредительного собрания, и категорическим его неприятием партиями правого толка, до 1917 года он постепенно стал ассоциироваться именно с социалистическим лагерем политического спектра, и в массовом сознании скорее являлся неотъемлемой частью пути к социализму.

Дальнейшее возвышение лозунга Учредительного собрания в качестве символа борьбы и освобождения становится 1917 год. Так, уже 28 февраля 1917 года Московское областное бюро большевиков выступило с заявлением: «Наша задача – создать Временное революционное правительство для созыва Учредительного собрания». Петербургский комитет эсеров в начале марта требовал непременно довести дело до созыва всенародно избранного органа для реализации «воли народа» [13, с. 20–21]. Проходившие по всей стране демонстрации и митинги использовали этот вновь ставший популярным среди широких масс лозунг.

Однако следующей страницей истории, открывшей путь к началу практической реализации лозунга Учредительного собрания, стал март 1917 года, когда произошло отречение Михаила Александровича. Он соглашался принять власть «если таковая будет воля великого народа

нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые законы государства российского». До наступления же этого момента великий князь призывал всех следовать согласно распоряжениям Временного правительства [25, с. 126–127]. Таким образом, конец монархии в России завершился передачей всей полноты власти в руки Учредительного собрания. Это означало перенос романтического народного стремления к созданию всенародного представительного органа с учредительными функциями из абстрактного лозунга в область конкретной практической политической повестки. Вся Россия 1917 года жила в ожидании организации созыва Учредительного собрания, которое призвано было определить её дальнейшую судьбу и решить круг самых острых проблем, волновавших всех граждан страны. Практически не одна политическая сила не осталась вне этой большой гонки в ходе подготовительного избирательного процесса, осознавая судьбоносность текущего момента. По воспоминаниям видного политического деятеля, одного из лидеров кадетов В.Д. Набокова «этот мираж - Учредительное собрание - во многих умах тогда возбуждал совершенно непостижимые надежды» [26, с. 48].

Библиография

1. Освободительное движение и общественная мысль в России в XIX в. М.: Высшая школа, 1991. 416 с.
2. Заичневский П.Г. Прокламация «Молодая Россия» // Революционный радикализм в России: дек девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.
3. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т.21. М.: «Тerra», 1993. 424 с.
4. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974. 600 с.
5. Ленин В.И. Марксизм о государстве. Полн. собр. соч. Т.33. М.: Издательство политической литературы, 1974. 506 с.
6. Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 851 с.
7. Дан Ф.И. Всенародное Учредительное собрание. Типография ЦК РСДРП, 1905. 39 с.
8. Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. 408 с.
9. Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. 714 с.
10. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). М.: ЦИК РФ, 2008. 860 с.
11. Большевики в 1917 году. В 3 т. / Т.1. От января до июльских событий. М.: Прогресс-Академия, 1994. 752 с.
12. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т.1. 1900–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. 686 с.
13. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т.3. Ч.1. Февраль — октябрь 1917 г. М.: РОССПЭН, 2000. 960 с.
14. Союз эсеров – максималистов. 1906–1924 годы. Документы, публицистика. М.: РОССПЭН, 2002. 423 с.
15. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб.: «Красное знамя», 1906. 290 с.
16. Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. 624 с.
17. Кирюхина Е.Н. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. Т. 50. 1955. С.95–141.
18. Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2-х тт. М.: Современник, 1990. Т.1. 446 с.

19. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т.1. 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 744 с.

20. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т.1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911. М.: Прогресс-Академия, 1994. 528 с.

21. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. / Т.1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. С.156. 408 с.

22. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 тт. / Т.1. 1905–1910 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.

23. Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. / Т.1. 1883–1916 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 704 с.

24. Ливенцев Д.В. Восстание на крейсере «Очаков» в мемуарах участника и современника // История России (СССР). 2017. №4 (35). С.27–41.

25. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юридическая литература, 1994. 352 с.

26. Набоков В.Д. Временное правительство и большевистский переворот. London: Overseas Publications Interchange, 1988. 176 с.

27. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976. 364 с.

28. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.

29. Всероссийское Учредительное Собрание. Российская политическая энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014. 556 с.

CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES BEFORE 1917

Izotova S.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article is devoted to the appearance and ideological development in the programs of Russian political parties of the early 20th century of such a concept as a "constituent assembly". The study consistently presents the use by various political forces of the attitude towards the institution of constituent authority, which is reflected in program documents.

Keywords: Constituent Assembly, Constitution, people's representation, the Russian revolution, political parties.